

УДК 373.167.1:82
ББК 83.3я72
Р89

Авторы:

**Т. Ф. Курдюмова, Е. Н. Колокольцев,
О. Б. Марьина, Н. А. Демидова, И. В. Сосновская**

Под редакцией **Т. Ф. Курдюмовой**

Художник *А. Антонов*

Условные обозначения:

- — задание на развитие умений работать с информацией, представленной в разном виде;
- — задание на развитие коммуникативных умений;
- — задание на развитие способности оценивать собственные умения и работу других;
- — задания и упражнения повышенной сложности.

Русский язык и литература : Литература. Базовый
Р89 уровень. 11 кл. : в 2 ч. Ч. 2 : учебник / Т. Ф. Курдюмова,
Е. Н. Колокольцев, О. Б. Марьина и др. ; под ред. Т. Ф. Кур-
дюмовой. — 5-е изд., стереотип. — М. : Дрофа, 2018. —
253, [3] с. — (Российский учебник).

ISBN 978-5-358-19527-1 (ч. 2)

ISBN 978-5-358-19526-4

Данный учебник для учащихся 11 класса завершает линию учебников, созданную по единой программе для 5—11 классов, составленной Т. Ф. Курдюмовой. Учебник охватывает период русской литературы с конца XIX до начала XXI столетия.

Учебник соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту среднего (полного) общего образования.

УДК 373.167.1:82
ББК 83.3я72

ISBN 978-5-358-19527-1 (ч. 2)

ISBN 978-5-358-19526-4

© ООО «ДРОФА», 2014

Литература русского зарубежья

Творческие искания писателей русского зарубежья

Литература первой волны эмиграции. После Октябрьской революции и Гражданской войны более двух миллионов россиян вынуждены были покинуть родину. Так возникло уникальное явление, получившее название *русское зарубежье*. В эмиграции создавались русские школы и высшие учебные заведения, издавались газеты, журналы, книги на русском языке. За рубежом удалось сохранить русскую науку и искусство. Духовно поддерживала соотечественников Русская зарубежная церковь.

В культурной жизни русского зарубежья особую роль играла художественная литература. За рубежом оказались многие признанные писатели: И. А. Бунин, К. Д. Бальмонт, Э. Н. Гиппиус, Дон Аминадо, Б. К. Зайцев, Вяч. Иванов, А. И. Куприн, Д. С. Мережковский, М. Осоргин, А. М. Ремизов, И. Северянин, А. Н. Толстой, Тэффи, И. С. Шмелёв, Саша Чёрный, А. Т. Аверченко. Среди покинувших родину были и молодые писатели, недавно заявившие о себе: Г. В. Адамович, М. Алданов, Г. В. Иванов, В. Ф. Ходасевич, М. И. Цветаева... В книге «Русская литература в изгнании» Г. П. Струве утверждал: «Зарубежная русская литература есть временно отведённый в сторону поток общерусской литературы, который — придёт время — вольётся в общее русло этой литературы».

Русская литература не только не прервала своё развитие за пределами России, но и оставила значительный след в мировой культуре. Историки, исследующие судьбы русской диаспоры¹ этих лет, называют наиболее значительные «**гнезда рассеяния**» русских: Берлин, Прага, Белград, София, Константинополь, Харбин. Но всё же главным центром русской культуры за рубежом до Второй мировой войны был Париж.

В хронике Тэффи «Городок» с грустным юмором повествуется о жизни русских парижан первой волны эмиграции: «Через городок протекала речка. В стародавние времена звали речку Секваной, потом Сеной ... на что указывает существовавшая поговорка: «Живём, как собаки на Сене, — худо!»

Жило население скученно... Занималось промыслами. Молодёжь большею частью извозом. Люди зрелого возраста содержали трактиры или служили в этих трактирах: брюнеты — в качестве цыган и кавказцев, блондины — малороссами. Женщины шили друг другу платья и делали шляпки. Мужчины делали друг у друга долги».

Роман Г. Газданова «Ночные дороги» рисует жизнь Парижа 30-х годов и судьбу русских, работавших парижскими таксистами. Из их среды и вышел этот талантливый писатель.

После фашистской оккупации Франции центр культурной и общественной жизни русской диаспоры переместился из Парижа в Нью-Йорк.

За рубежом оказались **писатели и поэты, относящиеся к противоборствующим литературным направлениям и течениям**: реалисты — И. А. Бунин, А. И. Куприн, А. Н. Толстой, И. С. Шмелёв; символисты — К. Д. Бальмонт, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Вяч. Иванов; акмеист Г. В. Иванов; эгофутурист И. Северянин; натуралист М. П. Арцыбашев и др. Естественны были разногласия, возникавшие среди них. Писательница Н. Н. Берберова вспоминала: «Было... усиленное давление со стороны тех, кто ждал от нас продолжения бунинско-шмелёвско-купринской традиции реализма. Попыт-

---

¹ *Диáспора* — этническая группа, живущая в новых для себя районах на положении национально-культурного меньшинства.

ки выйти из него никем не понимались, не ценились. Проза Цветаевой... не была понята. Поплавский был прочтён после его смерти, Ремизова никто не любил».

Объединяла всех ностальгия по утерянной, очевидно навсегда, России. Щемящее чувство потери звучит во множестве произведений, созданных в первые десятилетия русской эмиграции: «Слово о погибели Русской Земли» А. М. Ремизова, «Окаянные дни» И. А. Бунина, многие произведения И. С. Шмелёва, М. Осоргина, лирические строки поэтов. Уже стало хрестоматийным стихотворение В. В. Набокова:

Расстрел

Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывёт кровать;
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.

Проснись, и в темноте, со стула,
где спички и часы лежат,
в глаза, как пристальное дуло,
глядит горящий циферблат.

Закрыв руками грудь и шею, —
вот-вот сейчас пальнёт в меня —
я взгляда отвести не смею
от круга тусклого огня.

Оцепенелого сознанья
коснётся тиканье часов,
благополучного изгнанья
я снова чувствую покров.

Но сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:
Россия, звёзды, ночь расстрела
и весь в черёмухе овраг.

Среди многих проникновенных ностальгических стихотворений есть одно, принадлежащее **Георгию Владимировичу Иванову** (1894—1958), которое он посвятил своему другу — поэту Р. Б. Гулю. Оно остро и точно рисует трагизм духовного состояния человека в эмиграции.

* * *

Нет в России даже дорогих могил,
Может быть, и были — только я забыл.

Нету Петербурга, Киева, Москвы —
Может быть, и были, да забыл, увы.

Ни границ не знаю, ни морей, ни рек.
Знаю — там остался русский человек.

Русский он по сердцу, русский по уму,
Если с ним я встречу, я его пойму.

Сразу, с полуслова... И тогда начну
Различать в тумане и его страну.

И. В. Одоевцева, вспоминая о своём муже Г. В. Иванове, писала: «Настоящая классическая биография начинается не с рождения данного человека, а гораздо раньше. Надо нырнуть в прошлое, к его истокам...» Там, в прошлом — брак родителей поэта: полоцкого дворянина Иванова и баронессы Бренштейн из старинной и давно обрусевшей голландской семьи, имевшей в своём роду крестоносцев.

Счастливое детство сулило блестящее будущее. Любимого сына баловали: ему не только подарили остров на одном из озёр имения, но и выстроили на нём «Юрочкин форт». Однако семью скоро настигло разорение. Отец лихорадочно искал выхода, но сумел найти только одно решение: застраховавшись на большую сумму, погиб, умело инсценировав несчастный случай. Много лет спустя сыну стало известно, какой ценой было куплено материальное благополучие осиротевшей семьи.

Георгий поступил в кадетский корпус, был весьма доволен своей судьбой и, последовательно пережив увлечения живописью, химией, стихотворчеством, остановился на поэзии. Он сблизился с Игорем Северяниным, был участником создания манифеста эгофутуристов, но при этом страстно мечтал об ученичестве у Гумилева. И случилось так, что сам Гумилёв, прочитав напечатанные стихи Иванова, пригласил его стать членом «Цеха поэтов». Обычно такое вступление сопро-

вождалось серьёзной проверкой, а Иванова приняли «без экзаменов».

Удачное, даже блестящее начало творчества Георгия Иванова отмечали современники. Одарённость автора была очевидна. «Его тогдашние стихи, широкие, лёгкие, сладкие без всякой приторности, нежные без сентиментальности» (Г. Адамович) покоряли читателя.

* * *

Ты не расслышала, а я не повторил.
Был Петербург, апрель, закатный час,
Сиянье, волны, каменные львы...
И ветерок с Невы
Договорил за нас.

Ты улыбалась. Ты не поняла,
Что будет с нами, что нас ждёт.
Черёмуха в твоих руках цвела...
Вот наша жизнь прошла,
А это не пройдёт.

В свои первые поэтические годы Иванов был неразлучен с Мандельштамом. «Наперебой они сочиняли экспромты, пародии, стихотворные шутки...», — вспоминал Г. В. Адамович. У них была даже общая визитная карточка.

Но эти годы быстро прошли. Беллетризованная мемуарная проза поэта — «**Петербургские зимы**» и «**Китайские тени**» — даёт ощущение той эпохи, хотя, как автор признавался Н. Н. Берберовой, в этих произведениях «семьдесят пять процентов выдумки и двадцать пять — правды».

Уехав в 1922 году за границу, Иванов остался там навсегда и довольно скоро за ним утвердилась слава ведущего поэта русского зарубежья. Признавая мастерство, его нередко упрекали в излишней легковесности технически совершенных стихов. Не менее критичной была и самооценка поэта:

Как обидно — чудным даром,
Божьим даром обладать,
Зная, что растратишь даром
Золотую благодать.

И не только зря растратишь,
Жемчуг свиньям раздаря, —
Но ещё к нему доплатишь
Жизнь, погубленную зря.

Подобные суждения звучали не раз. Горькое разочарование в собственном творчестве и вообще в искусстве содержится во многих строках поэта.

И всё же, даже в состоянии безнадёжности, нищеты, угасая в приюте для престарелых, поэт стремился сохранить веру в призвание, в силу искусства. Так рождались бессмертные строки:

* * *

А что такое вдохновенье?
— Так... Неожиданно, слегка
Сияющее дуновенье
Божественного ветерка.

Над кипарисом в сонном парке
Взмахнёт крылами Азраил —
И Тютчев пишет без помарки:
«Оратор римский говорил...»

Поэтический мир, воссозданный поэтом, был прекрасным и грустным, часто безнадёжным, но его искренность увлекала читателя и рождала желание вступить в диалог (даже спор) с автором.

* * *

Россия счастье. Россия свет.
А может быть, России вовсе нет.

И над Невой закат не догорал,
И Пушкин на снегу не умирал,

И нет ни Петербурга, ни Кремля —
Одни снега, снега, поля, поля...

Снега, снега, снега... А ночь долга,
И не растают никогда снега.

Снега, снега, снега... А ночь темна,
И никогда не кончится она.

Россия тишина. Россия прах.
А может быть, Россия — только страх.

Верёвка, пуля, ледяная тьма
И музыка, сводящая с ума.

Верёвка, пуля, каторжный рассвет
Над тем, чему названья в мире нет.

В последних сборниках стихотворений (дневниках — как называл их сам поэт) становится особенно очевидной неразрывная связь Иванова с Россией, с русской культурой. Тоска по родине никогда не оставляла поэта в «эмигрантской быти»:

* * *

Ликование вечной, блаженной весны,
Упоительные соловьиные трели
И магический блеск средиземной луны
Головокружительно мне надоели.

Даже больше того. И совсем я не здесь,
Не на юге, а в северной царской столице.
Там остался я жить. Настоящий. Я — весь.
Эмигрантская быль мне всего только снится —
И Берлин, и Париж, и постылая Ницца.

...Зимний день. Петербург. С Гумилёвым вдвоём,
Вдоль замёрзшей Невы, как по берегу Леты,
Мы спокойно, классически просто идём,
Как попарно когда-то ходили поэты.

Эмиграция не была единой по своим взглядам, поискам, устремлениям. В работах, посвящённых проблемам русской литературы, немалое место занимает вопрос о **борьбе идей в среде эмигрантов первой волны**.

Драматизм ситуации, сила ностальгического чувства не ослабили остроты взгляда на мир. Политизированность авторов русского зарубежья, может быть, резче всего проявляется в сатирических произведениях, которые рисуют судьбу оставленной эмигрантами России. К примеру, жёстко и остроумно расправлялся А. Т. Аверченко с тем, что происходило в те годы на ро-

дине, в сборнике рассказов «Дюжина ножей в спину революции».

Конечно, обличение того, что свершалось в России, было не главным в идеологических сражениях, яростно кипевших в относительно замкнутом мире российского зарубежья. Бои шли между сторонниками монархических убеждений и уцелевших либеральных иллюзий. Большая часть печатных изданий была в руках левых партий, главным образом эсеров. Они сражались на два фронта: и против коммунистов, и против монархистов. Были группы, стоявшие за примирение с большевизмом.

На фоне трагических столкновений рождались философские исследования, решались вопросы государственности. Шли ожесточённые споры о том, каким должно быть государство. «Для того чтобы одолеть революцию и возродить Россию, — писал философ И. А. Ильин¹, — необходимо очистить души — во-первых, от революционности, а во-вторых, от черносотенства... России нужно возрождение, а не реставрация».

Большую роль в духовных поисках писателей играла **идея православия**. Один из критиков отмечал: «Это уже не литература... Это утоление голода духовного». Религиозная направленность очевидна в произведениях И. С. Шмелёва («Старый Валаам», «Куликово поле», «Пути небесные» и др.), Б. К. Зайцева («Преподобный Сергей Радонежский», «Алексей Божий человек», «Афон», «Валаам» и др.).

Представители творческих союзов русского зарубежья стремились к объединению. Это желание было настолько сильно, что в сентябре 1928 года в Белграде состоялся Первый (и единственный) съезд российских писателей и журналистов. На съезде обсуждалось состояние русской литературы в писательских союзах Парижа, Берлина, Белграда, Праги, Варшавы и советской России.

Несмотря на попытки объединения, существовало и осознание того, что единой литературы нет и быть не может. «Нет единого процесса развития. Нет единой и хо-

---

¹ *Ильин И. А.* (1882—1954) — философ, публицист. Автор работ о Гегеле, Фихте, Канте.

тя бы главенствующей темы: никакой «закономерности» вообще», — писал Г. В. Адамович.

При всём разнообразии поисков и решений для большинства писателей была характерна очевидная **ориентация на классику**, обострённый интерес к самим создателям классической литературы. За короткий срок были написаны многочисленные книги о русских писателях: И. А. Бунин создал книгу «О Чехове», трактат «Освобождение Толстого», увидели свет биографические повествования «Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов» Б. К. Зайцева, В. Ф. Ходасевич издал биографию «Державин», сборник статей «О Пушкине». Они отражали важнейший для всей русской литературы зарубежья мотив ностальгической памяти об утраченной России. При этом большую роль играло обращение к автобиографическим произведениям, часто к «вымышленной автобиографии»: ведь события этих биографий развёртывались на родине. Среди них «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунина, «Лето Господне», «Богомолье» И. С. Шмелёва, «Юнкера» А. И. Куприна, «Путешествие Глеба» Б. К. Зайцева, «Детство Никиты» А. Н. Толстого.

Можно сказать, что в произведениях многих писателей той поры традиционный реализм в определённом смысле сближался с модернизмом. Сами писатели, как, например, Бунин, могли этого и не замечать или не принимать, но то, что «центр композиции, внешней и внутренней, перемещается с сюжетных узлов на раскрытие внутреннего мира героев», очевидно. Такого рода изменения, использование импрессионизма в манере изображения мы видим не только в творчестве И. А. Бунина, но и в произведениях Б. К. Зайцева, Г. Газданова, М. Алданова.

Марк Алданов (Ландау Марк Александрович) (1886—1957) окончил два факультета Киевского университета, затем продолжил образование в Париже, занимаясь химией. Провёл несколько исследований по этой специальности, написал монографию и ряд статей, последняя из которых появилась в 1950 году. Однако, выступив в 1915 году с книгой «Толстой и Роллан», он определил свою судьбу, став прежде всего писателем. Л. Н. Толстой навсегда остался для Алданова недостижимым образцом. «Он произносил два слова «Лев Ни-

колаевич» почти так, как люди верующие говорят «Господь Бог», — пишет в своих воспоминаниях Г. В. Адамович. Даже его серия исторических романов не касается периода, который Толстой изобразил в «Войне и мире».

«В молодости он был внешне элегантен, от него веяло каким-то подлинным благородством и аристократизмом. В Париже, в начале тридцатых годов, М. А. Алданов был такой: выше среднего роста, правильные, приятные черты лица, чёрные волосы с пробором набок, «европейские», коротко подстриженные щёткой усы. Внимательные, немного грустные глаза прямо, как-то даже упорно глядели на собеседника...», — пишет А. Седых в книге воспоминаний «Далёкие, близкие». «Грустный, честный и лишённый экзальтации взгляд писателя» сохранился в памяти многих его друзей и знакомых. «Ни разу за все мои встречи с ним, — пишет Г. В. Адамович, — он не сказал ничего злобного, ничего мелкого или мелочного, не проявил ни к кому зависти, никого не высмеял, ничем не похвастался, — ничем, ни о ком, никогда... Трезвый взгляд на мир, пренебрежение к декорациям, к мишуре».

Все исторические романы Алданов создавал, считая, что «искусство исторического романиста сводится к «освещению внутренностей» действующих лиц и к надлежащему пространственному их размещению, — к такому размещению, при котором они объясняли бы эпоху, и эпоха объясняла их». Именно в этом видят современные исследователи сходство историко-философского и историко-психологического подходов к вопросам истории Л. Н. Толстого и М. Алданова.

Литературная судьба Алданова полностью связана с русским зарубежьем. В 1921 году — в год столетия смерти Наполеона — писатель дебютировал повестью «Святая Елена, маленький остров», напечатанной в Париже. Загадочное название расшифровывается просто: оказывается, школьник, который впоследствии станет Наполеоном, в своей тетради написал именно эти слова, так и не окончив фразу. Что это — случайность? Предчувствие? Мы так и не узнаем, почему мальчик начал так фразу. Романист умело использовал загадочную запись подростка, сделав ее названием своего первого произведения. Эта повесть о конце жизни велико-

го полководца, но ещё более — о судьбе двух обыкновенных людей — английской девушки Сузи Джонсон и русского дипломата Бальмена.

Уже в начале творческого пути великие и простые люди получают на страницах произведений Алданова равные права, а события развиваются так, что читателю ясно — жизнью правит Его Величество Случай. Именно так — с заглавной буквы — всегда писал эти слова писатель.

Все произведения Алданова объединены в циклы: трилогии и тетралогии. Размах событий, отражённых в них (в России и Европе), охватывает почти два столетия — с 1762 по 1952 год. Если говорить о России, то это период от восшествия на престол Екатерины II до смерти Сталина.

При этом нужно отметить добросовестность автора, который собрал массу материалов в библиотеках и архивах Европы. Алданов точен в воспроизведении ушедшей жизни и не оставляет без внимания ни одной детали, умело включая необходимые подробности в исторический контекст повествования.

«Основной стихией человеческого существования Алданов считает то, что может быть названо иронией судьбы. Переходы от мелких событий обычной жизни к громким историческим событиям доказывают одно — все участники, невзирая на их масштабы, в равной мере жертвы иронии судьбы... которая одних людей заставляет копошиться в неизвестности, в невидимых закоулках жизни, других возносит на высоты славы — зачем? Только затем, чтобы и тех и других подвести в конце концов к одному знаменателю — на положение осенних листьев, которые крутятся, сталкиваются и исчезают, подхватываемые жизненным вихрем...», — пишет историк А. А. Кизеветтер.

Постоянный интерес к историческим событиям, несущим серьёзные изменения в жизни людей, привели М. Алданова к созданию трилогии о революции 1917 года и жизни русской эмиграции: «Ключ», «Бегство», «Пещера». Так случилось, что, обращаясь к истории, автор всё более и более приближался к своему сегодняшнему дню. В романе «Начало конца» историческое произведение уступило место современному исследова-

нию. Автору удалось показать, как революция выпустила из бутылки джинна классовой ненависти, более того, признала проявления подобной ненависти нравственными. Алданов пишет: «Опыт произведён. Оказалось, что человеческая душа не выдерживает того предельного гнёта, которому мы её подвергли, — под столь безграничным давлением люди превращаются в слизь».

Трагическая тема революции развивается и в романе «**Самоубийство**». На периферии этого повествования появляются Плеханов, Крупская, Витте, император Франц-Иосиф, Савва Морозов, Сталин, Муссолини и Эйнштейн. В этом романе убедительно выражено неприятие идеи насильственного перехода к справедливому обществу.

Такие честные и взыскательные критики, как Б. К. Зайцев и Г. Газданов, считали философскую повесть «**Бельведерский торс**» одним из самых удачных произведений М. Алданова. Автор называл его философской сказкой, отличающейся «отрывочностью, сухостью психологического рисунка и подчинением всего философской идее».

Писатель раскрывает свои взгляды в философских диалогах «**Ульмской ночи**». Эта книга посвящена проблеме Случая в истории и помогает понять позиции Алданова-историка и вновь обратиться к взглядам Л. Н. Толстого, выраженным в эпопее «Война и мир».

Среди шести диалогов этого произведения есть «**Диалог о Случае в истории**», в котором одна из частей называется «О войне 1812 года». В этом диалоге звучит вопрос: «Таким образом, война 1812 года, её причины, её ход, её результат — всё это Случай?» и тут же следует ответ: «Я отвечаю утвердительно. Вам же склонен посоветовать ради осторожности оставить вопрос хоть под сомнением. Так делали и некоторые знаменитые историки. Тот же Тацит говорит: «Я не могу решить, идут ли человеческие дела по закону судьбы или необходимости, или они подчинены случаю».

Сам Алданов отдавал предпочтение Случаю, при этом очень чутко реагируя на самые разнообразные детали событий. Повествуя о серьёзных и важных проблемах, он не забывает и о комической стороне, которая неизбежно присутствует в жизни. Так, писатель

цитирует приказ адмирала Чичагова о приметах Наполеона (адмирал надеялся, что сможет взять в плен отступающего императора, и приказ был дан на предмет его поимки): «Он роста малого, плотен, бледен, шея короткая и толстая, голова большая, волосы черные. Для вящей надёжности ловить и привозить ко мне всех малорослых».

Можно сказать, что Алданов всю свою жизнь создавал одну книгу о месте России в истории Европы. Утверждение — «Мы не Азия, а только запоздавшая Европа» — очень важно для понимания его позиций.

Творческое наследие писателя насчитывает около 40 томов. Это романы, повести, рассказы, очерки-портреты.

Его талант высоко ценили современники. Даже ироничный Г. В. Иванов писал: «Имя Алданова, бесспорно, самое прославленное из имён русских современных писателей».

Русский исторический роман первой половины XX века воплотился в творчестве А. Н. Толстого и М. Алданова. Различен их подход к русской истории и ее изображению на страницах художественной прозы. Так, Г. Газданов, отмечая «повествовательный гений красного графа» (А. Толстого), пишет: «У Алданова с первой и до последней строчки всё умно. Закрываешь книгу с двойным сожалением — во-первых, потому, что она прочитана. Во-вторых, потому, что она так печальна».

Литература русского зарубежья оказывала влияние и на советскую литературу, при всех реальных сложностях общения. М. А. Шолохов в своём выступлении перед читателями в Ростове-на-Дону в 1934 году говорил: «Меня обвиняли в том, что я нахожусь под большим влиянием Толстого. Бесспорно, я люблю Толстого, поэтому, возможно, есть и его влияние. Но больше всего на меня влияет Иван Бунин — это большой мастер своего дела». Такое высказывание о Бунине в ту пору требовало определённой смелости и даже дерзости. Напомним, что В. Т. Шаламов получил в 1943 году дополнительные десять лет лагерей только за утверждение, что И. А. Бунин — классик русской литературы.